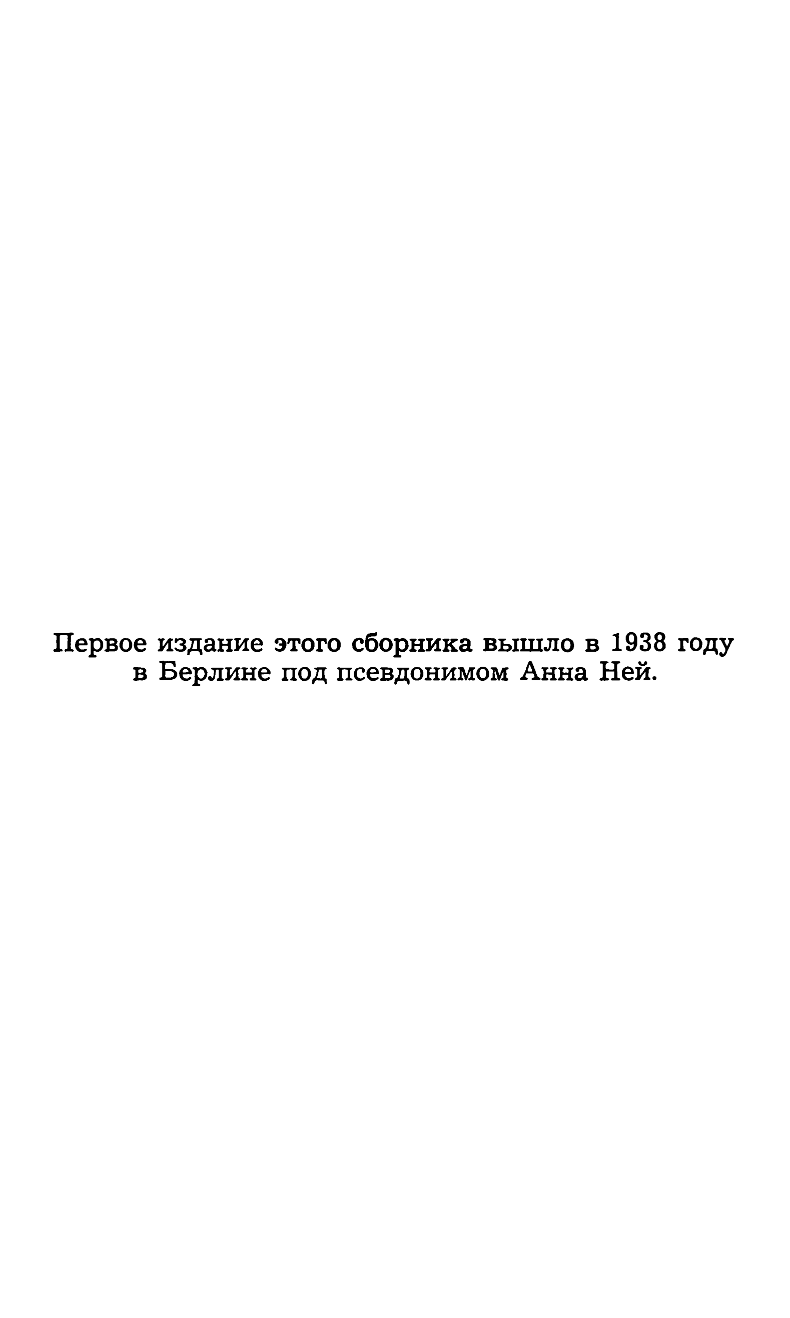
Ж. ПАСТЕРНАК

КООРДИНАТЫ

СТИХИ

П Е Т Р О П О Л И С

Первое издание этого сборника вышло в 1938 году
в Берлине под псевдонимом Анна Ней.

Ж. ПАСТЕРНАК

КООРДИНАТЫ

СТИХИ

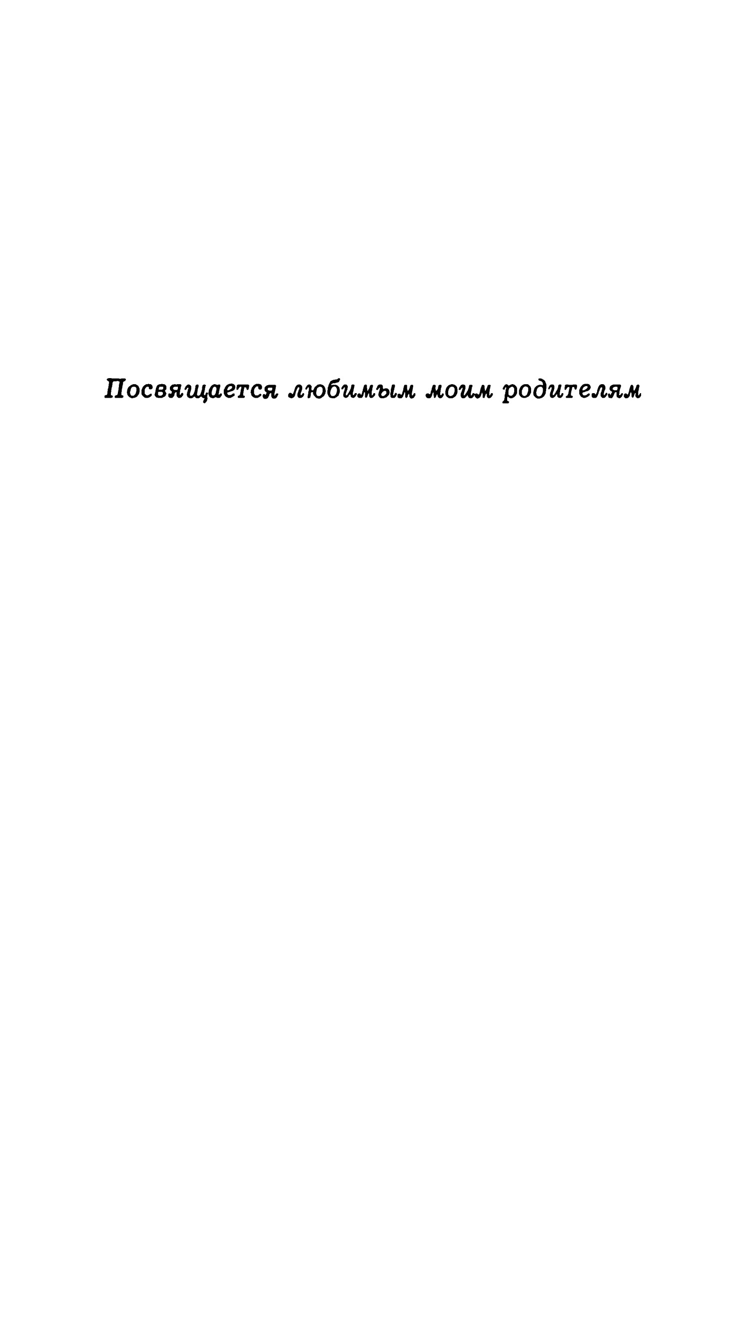
П Е Т Р О П О Л И С

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

Где-то? Когда-то? Здесь и сейчас. У сердца свои законы пространства и времени.

Из провинциального дневника.

Посвящается любимым моим родителям

ВРЕМЕНА ГОДА

Я слишком, Господи, люблю Твое творение.
Я не умею побеждать природу,
Как мореплаватели смелые и гении.
Меня же покоряет время года.
Зима ли, осень ли, весна ли или лето —
Их сердцем удержать хотя надежды нету —
Незащищенным к ним так близко припадаю,
Что лишь с трудом его и с кровью отрываю.
Отодранные липнут сердца лоскутки
На временах Твоих, живые ярлыки.

ВОЗДУХ

Ты тихий, далекий. Не вспомним — не
скажешь,
Что луг зеленеет; что болен ручей.
Что лето сменяется осенью, — глаже
Становится мир, и уже он — ничей.

И год обернулся, и вновь торопливо
Зима собирает пожитки свои, —
И снова в мерцании мартовском ива
Проснулась. И снова весенние дни.

Тебе начинаний томительных месяц
Как цензору первые оттиски шлет:
Удачно ль? Не рано ль? Ответишь без лести,
И трепетно мир обновленный вздохнет.

ЦЕНЕРАРИИ

В витринах Бауэра сирень.
Войдешь — парник, землистый запах.
И бледных гиацинтов тень
На синих ценерарий лапах.

И розы темные в углу,
И магазина своды низки.
И в эту сладостную мглу
Апрель заглядывает близкий.

Апрель не так уже далек,
Хоть ледохода нет в помине:
Уже проснулся желобок,
И ценерарии в витрине.

**
*

Вот тает ночь. Бледнеют небеса.
И первый звук затерянной в сирени птички.
Затем вся розовость, вся — шаткости краса
И дружный щебет переклички.

Все громче хор, прочнее все сиянье,
Весь мир им залит как хвалой.
Настало утро. Стихло все. В стараньи.
Умолк усталый голос Твой.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

. . . . . .
Вербочек серые шубки
Как слезинки, как бусы отдельны
В долгие постные дни.

Мартовской синью потянет,
Колокол где-нибудь звякнет.
Служат, и служат, и служат
Денно и нощно в тени.

В небо глядеть — непристойно.
В землю — соблазн любопытства:
Прямо глядят на иконах
Черные лики святых.

Дверь отворяется — воздух.
Дверь затворяется — сумрак.
Сумрак и воздух послушны
Вздохам и воску молитв.

РАССВЕТ

Уже глядит незванный в окна,
Заглядывает под диван,
Считает нити и волокна
И обволакивает стан.

И нет углов уже, и нет уже спасенья.
Он называет все по именам.
Назойливо рассветное беленье —
И без различия — всего по сторонам.

Все совершается без шума, без запроса.
Бессилен ты — и ждешь, что скажет день,
Пока спеша, дрожа, простоволосо,
Не глянет солнце, возвращая тень.

Глашатай утреннего мира.
И — успокоенный — всего себя вручи
Дрожанью пробужденного эфира,
Утехам золотой парчи.

Засни в полотнищах мужицкого светила,
Пока о землю треплется крыло,
Пока сияние тебя не ослепило, —
И в небеса чужие не ушло.

НОЧНЫЕ ФИАЛКИ

Сирень отцветет, рассосет ее вечер.
Жалеть о сирени не стану,
Затем, что как верные воины — свечи
Фиалки раскинулись станом.

Их запах в воздушном растворе не никнет,
Стоит — и не прячется в траву.
Державные стебли и бледные блики
Жемчужин нагих без оправы.

О, вырастите над моею могилой,
Любимейшие моей жизни,
И пойте над ней без свечей и кадила
Вечную память отчизне.

БРЕДОВОЕ

Когда уйдет стоперстый день и станет тих
Неспящий мир.
Придет — едва заметно — стих,
И позовет — на пир.

Отлепится, как пластырь, сон,
— Его уж больше не найти —
И будет до рассвета он
Валяться где-нибудь в пыли.

Но что нам бег и бой часов?
Во власти мы
(И так неумолим засов)
Стихов и тьмы.

И длится пир. И столько лиц.
И столько слов.
Нарушен (столько!) строй страниц.
В кольце оков.

Когда уходит день — приходит стих.
Из стран далеких; из каких?
И сдвинуть как — засов
Стихов?

* *
*

Ты снилась мне, и снова мне
Ты снилась в странной, сизой дали.
Себе чужие — мы во сне
Друг друга за руки держали.

Но уж расходятся пути
Такие слитные в начале.
Обеим суждено расти,
Обеим нам — гореть в печали.

Обеим в разные края
Нести слепую душ присягу,
Терпенье — мне, тебе — отвагу.

Проклятье наше, наше благо:
Без помощи — и ты и я —
Впотьмах должны кроить себя.

НОЧНАЯ ФИАЛКА

Ты пахнешь им, ты пахнешь морем,
Мужской рукой и женским горем,
Цветок высокий и нагой.

Тебя вдыхая, я забуду
Всё чем была и чем я буду,
И что его сменил другой.

Семьи персидской орхидей,
Осанки княжеской как те и
Непревзойденные нигде —

Духов с водой свежей, пачули —
Благоуханный ладан июля —
О, всё не те слова, не те!

— Как рассказать тебя, о запах
Ночей востока, рук сатрапов,
Рабынь встречавших в первый раз —

Тех аромат часов любовных
Каким-то чудом, в Подмосковной,
Дошел нетронутый до нас.

**
*

Я нагнулась за черникой,
Так, без дум, без подозрений.
Вдруг — пронзительнее крика
И настойчивей видений

Хлынула тоска, по горло.
Я чуть-чуть не захлебнулась,
Зашаталась, обернулась:
За спиной упреков жерла.

Надо мной все то же небо,
Предо мной — сквозные стены.
Что с тобою, сердце? требуй!
Обвиняй меня в измене!

Я дышала день, и сутки,
И в обед лесною тишью,
Отодвинув все, что жутко,
Отодвинув все, что лишне.

Отодвинув (строже, строже!
О последнее усилье!)
Мысль о том, что мох как ложе,
Что надежны ночи крылья, —
И что счастье неотложно,
И что счастью верить можно.

Почему же закружилась
Голова — как от похмелья,
Я ведь только наклонилась
За черникою под елью? . .

В кружевах зеленой ветки,
Как приблудное, трепещет
Сердце, вырвавшись из клетки,
Бьется жутче, жутче, резче.

Смыв покой, души поблажку —
Беспрепятственно восходит
— Жидкость так по промокашке —
Слабость, подкосивши ноги.

**
*

Сделай так, чтоб я заснула.
Пусть привидится во сне
Тот, любимый и сутулый,
И Москвы февральской снег.

Много, много лет меж нами,
Город мой, легло — и вех.
О Москва моя! Мы сами —
Изменились больше всех.

Я во сне тебя увижу,
Ты — увидишь ли меня?
Между нами — можно ль ближе? —
Ведь всего четыре дня.

Что же нас разъединило?
Не поверят, не поймут,
Что границы проводила
Вечность — на порогах смут.

**
*

Сегодня мы расстались в первый раз.
И думать о тебе — молиться, значит, Богу,
Чтоб, помощи моих лишенный зорких глаз,
Ты не устал слепящею дорогой.

Чтоб не узнал о том, что ты — один,
Смешливый рок, забавами живущий,
И не наметил в человечьей гуще
Тебя для опытов его холодный сплин.

Молюсь о том, чтоб Бог тебя хранил,
Чтобы мои твоим равнялись вздохам,
Чтоб отвращала рать небесных сил
Твоих врагов, крадущихся с подвохом.

**
*

Пьяных сомненья не мучают.
Пьяный! воспользуйся случаем!
Все тебе льется навстречу:
Мудрость, любовь, и увечье,

Розы в стекле, и наречья,
Чуждые в трезвые встречи:
Ясно, понятно без выучки
Все до неслышнейшей жилочки.

Вежливо мир предлагает
Связку ключей: выбирай!
Но непрощенному в рай
Легче, чем пьяному в рае
(Райская правда в вине)
Думать о завтрашнем дне.

**
*

Так медленно, так медленно проходят,
Как мы по улице, блестящей от дождя,
В воспоминаньи юношества годы,
К которым ты, мой друг, ведешь меня.

Всё глуше ночь. Затейливые зданья.
Прошедших лет воскресшие мечты.
В случайном и желанном сочетаньи
Другая я — и снова молод ты.

Река не спит, и отражает кровли.
Не ты меня, она уводит нас
Следами узкими аркад средневековья,
И ночи дышет благостнейший час.

Пройдут года, и в этих закоулках
Пролетов каменных и мутного огня
Рассеяно бредя пустым асфальтом гулким —
Кого ты вспомнишь: ту или меня?

* *
*

Границы стран, времен и смыслов!
На нас скрестясь, сгустились вы.
Пароль по фронтам: зубы стиснув,
Жить кругозорами плотвы.

Не хочешь? счеты слишком личны?
Ты ждешь? Знамения не лгут:
Все меньше круг, все концентричней,
И глотку обовьет как жгут.

Прибежищем последним сирых,
Географическим нулем
Три станут: виселица, лира —
И атом: сумасшедший дом.

ШВЕЙЦАРИЯ

Швейцария — ступенька, час, посредник,
Ведущий нас к другим часам —
Благожелательной, безвредной,
Безличной помощью шагам.

Ее цветы свою не тушат яркость,
Но яркость не криклива в городах:
Твой путь на юг? Мы отсвет юга жаркий
На холодящих площадях.

Твой путь на север? Посмотри на крыши:
Они глядят Германии в лицо.
На запад путь — изящность дум задышет
Средь угловатости основ.

Восток? Цепь гор сама сведет к границе
И, вежливо присев, возьмется излагать.
С ней в унисон заговорят австрийцы,
Тироля вечный снег и сочные луга.

Швейцария ступенька, час, посредник.
Сон о Европе наяву.
Гуманных замыслов передник,
Стирающийся ввечеру.

В ПОЕЗДЕ

Серый день. Деревенская девчонка,
Яблони в заботах, в скарлатине.
Поезд спотыкается, и стынет
На цезурах станционных.

Ну еще подсолнух, черепицы.
Я приеду — дюжина вопросов.
А тринадцатый — себя боится.
Дни — как поезд — поплетутся, косно.

Сколько сил на каждый лепесточек
Кто-то тратил! Вон он, под бетоном
Вянет подорожник сонный,
Гибнет без напутствий отчих.

Я же хуже желтенькой ромашки
Удалась Создателю, я вижу:
Жить без Бога не отважусь:
Отвернется — и обижусь . . .

* *
*

Кинусь из окна!
Воздух не допустит.
Кинет: где же нам, —
Посмотри, как пусто.

Кто же за детей
Будет Бога мучить?
О, не рви сетей!
Штопай дыры лучше.

ВЕТЕР

И вдруг — гусиной кожей,
Игривостью, волной.
Крепчает он, похоже,
Веселый, озорной.

Но в ивах, липах, буках
Запутавшись, умолк.
Клянется: «Я — безрукий!»
И снова глади — шелк.

ОЗЕРО

О небо голубое, ты прекрасно!
Но иризирующий озера смешок,
Такой студеный, солнечный и страстный, —
Победен, как магнитный ток.

И пароход, расчесывая волны,
Пробором скорости делящий в два крыла —
Невнятно для небес — шлет в глубину: исполню
Всё, что тебе, родное, обещал.

ЛУКАУ

Мамонт без клыков и жизни,
Незаконченный собор.
Верный готике, эскизный
Безошибочный набор.

Он стоит скалой гигантской
Среди дремлющих садов,
Чтоб девиц и новобранцев
Охранять от дерзких снов.

Городок глядит на крышу
Цитадели кирпичей,
Подбирает, что услышит,
Шлет собору соль речей.

Груш и слив янтарь (не в счет он)
Городской булыжник пьет.
Площадь, ратуша; а вот и
Вал до городских ворот.

Жизни здесь не погоняют,
Здесь плодам дают дозреть.
Здесь, должно быть, с детства знают,
Как любить и умереть.

ЦЮРИХ

До этих гроз дышавший пылью,
Ты, наконец, заговорил
Разливом флокса, листьев гнилью
И возгласами пряных вилл.

Есть лес! есть небо и трава!
Нежнейших запахов словарь
Перелистать взялась земля:
Молчать на радостях нельзя.

Столпившись, тянутся кусты: —
И нам! запястий золотых!
От драгоценностей вокруг,
Дрожа, сияет в искрах луг.

Пьет солнце мокрый поцелуй.
Воскресла зелень. Запах туй,
И сыроежек, и земли
В оттенки августа пролит.

О чудеса! вы пристыдили
Меня, твердившую в душе:
Здесь зелень — из камней и пыли,
А камни — из папье-маше.

* *
*

Мистический, тыквенно желтый закат.
И солнце — деревья так тихи —
К ним руки простерло в мольбе и назад
Взяло их . . . И цветом гречихи

Окрасило дальний, в безмолвии, лес.
И грустно, так грустно — склонилось,
Как будто с страною полдневных чудес
Сегодня навеки простилось.

Зашло. Но за темною гор полосой
Последние мысли пылают,
Земное становится снова собой,
И свет в облаках угасает.

Все чище, прозрачней бесцветный восток,
Отчетливей яблони сада,
И без опоздания, как на урок —
Луна поднялась за оградой.

МАРГАРИТА

Не сошла бы с ума Маргарита
Ни от боли, и ни от обиды:
Удивленье вселилось в орбиты,
И за ним она мира не видит.

Он родится с мечом . . . непременно!
Еще шесть, еще пять, еще месяц . . .
Как качают Распятие стены!
Снять с гвоздя? или снова повесить?

Не в тюрьме ли? ни шагу без спросу!
Без согласья назойливой жизни.
А Распятый, с улыбкою, косо:
«Раба Божия, буду на тризне».

Ей, презренной ничтожнее твари, —
Чудодействия дар сообщится
В высший миг, когда воля в угаре
Меж творцом и твореньем двоится?! . .

Маргарита то в небо, то в сени.
Но не скрыться от долга и дум ей.
Дух Святой посещает рожениц:
От Него зачинают безумье.

МОЦАРТ

Спинет, фарфор, гусиных перьев знаки,
Чтоб удержать бушующий поток.
И в полуночном Зальцбурговском мраке
Колеблющийся фитилек.

Он тонкостенней мрамора Каррары,
Светящегося изнутри.
Огонь поэзии, прожорливый и старый, —
Фильтрует сквозь фиал младенческих харит.

Но на прозрачные и огненные речи
Насторожившихся небес легла печать,
Чтоб проповедью им лучистою предтечи,
Чтоб мессой милости и радости звучать.

* *
*

Пришел на побывку. Но встреча — толчок:
И время шаром покатилось,
И кажется: словно, приснилось,
Наверное, только приснилось,
Что был непочатым на днях еще срок.
Мне снится разлука. Я слышу: истек.

Пришел, и неспешен, и ласков, и слеп.
Как будто не будет прощанья . . .
А мне — наперед от страданья
Не радость — свиданье: страданье.
Насущный заквашен страданием хлеб
И мир безвоздушен и темен, как склеп.

**
*

Дождь грибной.
Страной родной
Пахнет улицы покой,
Погорельцами, нуждою
И ночным морским прибоем.

Белолицая луна
(Звезды в тучах спят) одна
Из небесного окна
Смотрит, светит людям, зная,
Как в земной беде нужна им.

Воздух свеж,
Смыл мятеж
Сухость молний, и дележ
Горизонта, побережий.
Гром все глуше, дальше, реже.

ВОЗВРАТ

Немного грустно, и немного странно.
Не сон, не сон — домов знакомых ряд.
Был этот год прозрением нежданным,
Меня предав, он пятится назад.

Такой же дождь; и та же остановка;
Трамвай и люди — все как прошлый год.
А я с душой, чужою, как обновка
И непривычной — вышла из ворот.

Из одиночной камеры молчанья.
Опять на людях. Но немеет кровь,
И каждый шаг — земли завоеванье,
Затем что нива прежних улиц — новь.

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ

I

Няня приказала долго жить.
Из деревни весточку прислали.
Под зеленым абажуром в спальне —
Стыдно мне! — не рвется жизни нить.

Мама, папа, бабушка и няня
Четырьмя столпами были мне,
И поддерживали мирозданье
Наяву, в молитвах, и во сне.

Вот один упал. Но все на месте.
Стыдно мне: не пошатнулся мир.
Ей — святой Иисусовой невесте
Царствие Небесное и мир.

Да простит! Я с лета не своя.
И меня не отпускает к гробу
Барщины безжалостная проба:
Первая любовь моя.

II

И эта — я. И эта — я.
И эта — Боже мой! — и эта . . .
Что это — маски бытия?
Или останусь без ответа . . .

Иль это — легкая игра,
Затея Господа — на святки,
Когда пьянеет детвора,
А взрослые играют в прятки?

И прячет Бог мой от меня
Меня за каменную стену?
Бросаюсь в пламя из огня,
Не веря каменному плену.

Что это: сказка или сон?
Иль жизни хаос: тьмы и света?
О назови мне мой закон!
. . . Или останусь без ответа?

ОТРЫВОК

Пахло зубным порошком,
Мятой, — и утренней дрожью.
Свет пробирался ползком
В угол, и к Матери Божьей.

Коричнева и узка,
Резала форма под мышкой.
Грелся под сердцем рассказ.
Зябли учебные книжки.

Бодр был тумана маршрут.
Ночь забывалась в пенале.
Ровно на десять минут
Вечно часы отставали.

КУПАНЬЕ

Вода серебрится, смеется вода.
В ее безответственной зыби
Немеет наш голос. Наш облик тогда —
Шутливый, русалочный, рыбий.

Немеет наш голос, немеет душа,
В воде растекаются краски,
И мы упиваемся, еле дыша,
Игрой остужающей ласки.

Не ищет вода наших сомкнутых уст:
Что мы ей? Не боле — чем ветер.
Кабинка, весло и малиновый куст —
У ней на особой примете.

***

Такого цвета борода
Была у Барбаросы,
Как в октябре леса, когда
Ленятся жалить осы.

Когда не жалят и не жгут,
Когда в очарованьи
Осенних златотканных пут
Лесное доживанье.

ШТАРНБЕРГ

Король, игравший в короля,
Жил в этом парке, жил в неволе,
Себя на странности ловя:
О, не поддельный я король ли? . .

И он решил бежать. Куда?
Бежать нельзя, когда нет цели.
Сапфиров жарче — и вода,
И небо над водой — синели.

Звала вода, и небосвод.
И обещали избавленье.
И если стража у ворот —
То берег чист, как возрожденье.

Озера шири ширь и рознь
А это вольное как море, —
И если жизнь морочит — брось!
Смерть восстановит правду в споре.

Июньский празднуя расцвет,
В веселом лета облаченьи
Но пеленой густою — свет
От королевского томленья

Отмежевался. Он один —
Густою пеленой одетый...
Безумье! ты хоть проводи,
Хоть ты — дай окунуться в Лету...

...Никто уж не прочтет затей
В глазах и в непокорном чубе.
Душа в сапфирной высоте,
А тело спит — в сапфирной глуби.

БАРЕЛЬЕФ ИЗ ПАРФЕНОНА

Афина мудрая, и гордость Олимпийцев:
Зачем склонила ты главу свою, и взор?
Земные сестры пусть и закрывают лица,
Но ты, на всё глядящая в упор?

Пусть умирают амазонки дважды
(Брунгильды сон, Пентезилеи гнев):
Смерть первая: сражающая жажда,
И утоление — не по рецепту Ев —

Вторая смерть. Их шлем тяжеле рока,
Бумаги — легче. Скинуть! страсть, бери!
(Но и любовь не служит им уроком
И Зевса чтят, не Геры алтари).

Но Зевса дочь . . . тебя ль коснулось пламя
Нечистое — земнорожденных чад? . .
— Такой тебя художник высек в камне,
Главой к плечу (куда, куда руками!)
С Олимпа увидавшей ад.

* *
*

Октябрьской ночью звезды так крупны,
Крик копчика пронзительный — так внятен,
Неумолимы так — и неповторны — сны,
И в воскресенье сад в последний раз опрятен.

Душа еще ослеплена жарой,
Но тело чует холод отступленья.
И по утрам уже порой
Прозрачный мир в оцепененьи.

В ПОЕЗДЕ

Лиловые пашни, и серые тучи,
И клочья зеленых лесов,
И ленится сердце, и мысли не мучат,
Баюкают поезд без слов.

Душа без заботы, в беспечности сладкой
Железнодорожных кривизн —
Какое блаженство, когда без остатка
На рельсы поставлена жизнь.

* *
*

Прости меня, Господи, жадную
О многом, о многом прошу.
Двум крошкам — сады виноградные
И по золотому ковшу.

И по золотому — родителям.
И чуда налей через край,
И часто в земную обитель к ним
За ними смотреть прилетай.

Пускай посещенья — прилежные.
Но этой молитве внемли:
О, будь с ними, Боже, невежливым,
К себе — никогда не зови.

* *
*

Розам — склоняться, склоняться.
Силе — неметь, неметь.
Жизни — даваться, даваться.
Сердцу — гореть.

**
*

Любовь это отдых,
Когда не — терзание.
Тишайшие воды,
Когда не — сгорание.

Ярмо сладкой лени,
Когда не — неистовств.
Она исцеление,
Когда не убийство.

Насмешкою, лестию,
— Не слушать? внимать ей? —
И избранных пестует,
Когда не — проклятье.

* *
*

Тебя я не искал. Мы встретились дорогой.
Зачем же на тебя не наглядеться всласть! . .
Зачем судьбу допрашивать так строго,
Моя ли ты — или чужого часть.

О, не своди бровей в угрюмой складке.
Забудь — как я — блаженный встречи миг . . .
Учись — как я — душой гранитно гладкой
Не узнавать трепещущих улик.

* * *

Не лейкой, ноктюрном Шопена
Левкои, табак, резеду
Во тьме поливали, и пена
Не таяла долго в саду.

Земля, затаясь, чуть дышала.
Настойчивый рос аромат.
Широким потоком из зала
Лилось вдохновение в сад.

Дорожки сторонние парка
— О жуть! — превращались в русло.
В поляны! спасаться! по баркам!
Деревья — причал и весло.

Но тьма разливалась все шире.
Луга затопляла роса.
В ночном захлебнувшемся мире
Спасали из волн небеса.

* * *

Разбег одиночества, долга, мученья . . .
Как он залился безнадежностью дали! . .
Не вам, пассажиры, знакомо томленье:
Он — узник расчерченной страсти вокзальной.

На рельсах всю жизнь. Не сбиваться с дороги,
Не трогать холмов, не спускаться в долины,
Ему — игнорировать зовы тревоги,
Соблазны безбрежного сердца равнины.

Магнитом луны с полотна не сниматься,
В сосновых лесах с вожделением роясь:
На рельсах всю жизнь. О проклятье: *стараться!*
— Тоской правоты заливается поезд.

* *
*

Зима. Переулки Арбата.
Чредой восклицательных знаков
Стоят вдоль сугробов горбатых —
И рост фонарей одинаков.

Идешь и идешь . . . всё белее
Разматывается дороги
Клубок лебединый, елеем
На раны лиясь, и под ноги.

В круженьи снежинок бесшумном
Земля обручается небу,
И мягко сгребаются думы
У церкви Бориса и Глеба.

**
*

Из елки дует полночью и лесом;
К ней подойти — не варежки ль надеть?
Но скоро звонкой мишуры без весу
На лапы веток кинут сеть.

И жар свечей согреет ствол корявый.
На потолке, на стенах, на полу
Возникнут тени. Каждый будет вправе
Пригнуть к свече зеленую иглу.

В дрожащем пламени треск нежный оборвется,
Наполнит комнату смолистый фимиам,
К морозным небесам окошко отвернется,
А зеркала потянутся к ветвям.

ПОД НОВЫЙ ГОД

Толкнуть! чтоб вдребезги! Чтоб в брызнувших осколках
Без счету — вспыхнули бокал с вином и елка,
Чтобы порезались — хрустальные сбирая —
Об острые края — тоска моя тупая,

— И раны этой боль разбудит сердце пусть.
Тоска! тоска! *Небьющаяся* грусть . . .

**
*

Не башни, не церкви, не ломкие ветки
На поясе алом, сдвигающем город:
Китайские тени, тушь начисто. Клетки,
Линейки, наброски — все стерто. Готово.

Не тени предметов. Предметы — тень мыслей,
Которые солнце, садясь, загадало.
И снятся ему. И над городом высясь, —
Китайскою тушью на поясе алом.

THE GOOD EARTH

(Pearl Buck)

Туже, туже, туже!
Ножкам все больнее.
В детском взоре ужас.
«Пусть! не пожалею!

Станешь сердцем круга,
Неподвижной точкой!» —
Туго, туго, туго
Крохотные — дочке.

«Чтоб стоять на месте,
Не идти навстречу —
Не нужны невесте —
. . . Туже! Искалечу! . .

Чтоб небесной, знатной,
Чтоб *к тебе,* склоняясь» . . . —
В распашонке ватной,
Смотрит, заливаясь.

Мать: зрачки — две дали.
А глаза все у́же.
— Мне не бинтовали! —
Туже, туже, туже.

«Чтобы мог в ладони . . .
Видел, как холили» . . . —
Горе все бездонней:
— Мне не говорили!

Чтобы знал — до гроба:
Ровно половину, —
Чтобы, чтобы, чтобы —
А меня — покинул . . .

* *
*

Страсть заест! Она страшнее мора.
Гробовой напористее крышки.
Только изведет она не скоро.
Справится не раз еще у легких: дышет?

Будет солнце заливать в апреле
Сердце, ямы, шляпки модниц, крыши.
Улыбнешься. Но она с поддельным
Справится участием у легких: дышет?

Не борись с участливостью страсти!
Поручись Создателю — как дышешь.
Выжить — значит: стать вселенной частью.
— У судьбы справляться значит: слышет? . .

БАЛЬНАЯ НОЧЬ

I

Во мне нет слов, во мне нет чувств . . .
Пройдет, пройдет . . .
Закрой глаза, закрой! . . Зал пуст . . .
Конвульсия красот.

Не я одна. Поймут, поймут . . .
Ах, долго ждать . . .
Закрой глаза . . . какой-то спрут:
Плясать!

Не в первый раз . . .
Но мозг — страданью:
От всех проказ,
От всех отчаяний
Приходит час,
Приходит знание.

II

Сколько в сломленных сил:
Рано — сдаваться . . .
Сколько в неждущих надежд:
Рано — сдаваться . . .

Сколько в пьяных
На выбор:
Пекло, нирвана.
И . . . может статься . . .
— Не сдаться? . .

III

Ночь убывает. И ощупью
Колокол в черном холоде.
Луч предрассветный тощий пью.
Где-то проснувшийся голоден.
Где-то в больнице ждут его:
Утро. И кофе. И может быть:
Сносное — лучше лучшего.
Боже мой! Боже мой! тоже бы . . .

***

Всё спит. Воскресный день. Всё на местах.
Предметы, лепестки азалий, небо, звуки.
И нет страстей. День выходной. И страх,
И даже страх умыл душистым мылом руки,

И с ним ушла гулять — ищи ее! —
(День выходной) — душа после обеда.
Не захватив с собою ничего,
Кого — пошли они, сдав тяжести, проведать?

Но не ревнуй! Прислушайся: щеглы
— Их календарь без красных чисел чада —
Одни не празднуют: прислушайся: углы
Не зацветают ли — безлиственного сада?..

Так нежно вдавливать вопросы в воск небес,
Высасывать ответы — бережно и чутко,
И вдруг — решительный, сверкающий обрез,
— И торжествующе вздыхающая грудка.

О, подари чириканье щеглов
Своей усталости. И улыбнись — бездушью.
Воскресной праздности и щебету послушна,
На сгибе зимних и весенних снов,
Не думая о ней — сегодня празднословь:
Вернется до утра. Не бойся. Не засушье.

***

Розговены. Красный звон.
Предо мною, нищей
Милый (чудо или сон?)
С освященной пищей.

Как же мне солгать: не ем.
Как мне отказаться.
Как — он набожен и нем —
Не просить остаться.

ЧЕРЕМУХА

Черемуха весеннейше
Доложится: апрелю
Один последний день еще,
Последняя неделя.

И, объявив, расправится,
По небу цвет раскинет,
Стыдливая красавица
На праздничном почине.

Сказавшись, испугается.
К заре прохладной жмется . . .
— Вдруг ветка отделяется
И робко запах вьется.

Пускай за ней и следуют
Наряднее и краше,
— Она, того не ведая,
Нетронутая чаша.

* *
*

Пеной розовой неверной
Одеваются сады.
Церкви прячутся манерно.
Орошает бархат дерна
И разводы лебеды,
Дополняя климат мерный,
Сток искусственный воды.

И, фланкируя долины
Лепестковый океан,
Замков гордые руины
Отвели на задний план
Перерывы каолина,
Небо, солнце и стремнины
Герцогств: Боцен и Меран.

* *
*

Пальчики — горошинки в стручке.
Пальчики — в ослабшем кулачке.
Где еще так золоты часы!
Спит, и дышет, и бессилен сын.

Невесомою свисает мысль над ним.
На мгновение — мы знаем как горим.
Так сыграться в бденьи невозможно двум.
На мгновенье сердцу отпускает ум.

**
*

Резинкой, клеенкой, пеленкой и пудрой.
Вдохнуть — задохнуться! принюхаться — рай,
В котором без смысла, блаженно и мудро
Улыбка — непрошенно, и невзначай.

И гнев — без причины, смешной и короткий.
И в вопле — зазыв всех времен и краев.
В прошивки и в рюши — собой, подбородком,
А в воздух — руками, чужим, вне основ.

От люльки по воздуху, бережно, в стену.
По ней беспрепятственно до потолка.
Вперяет. Раздумье. Куда это дену?
Зрачка приключения, опыт белка.

Возврат к кружевам. К забинтованной сути.
Пахучая ласковость — тела покров.
Не мама, не няня: вселенная тюти
Без мыла в лукавстве купает его.

В БЕРЕЗНЯКЕ

Муравьи и кочки.
Искусали мошки.
Белые грибочки
Полегли в лукошки.

Подле пней — лисички.
Полдень жжет макушки.
И поют синички,
И кричат кукушки.

Русые косички,
Липкие рубашки.
Спелой землянички
Синенькие чашки.

Запотели ручки.
Будет! Полно мешкать!
Вон на небе тучки, —
Грянут тьмой кромешной.

Стрелки и колечки
Летних трав и кашки.
Из лесу до речки
Зарослью — овражком.

* * *

Благоуханнее садов
Возы в Успенье приезжали,
Льняноволосых наряжали,
И масло капало с голов.

Был мед прозрачнее молитв,
И золотее полдня лета,
В квадратных сотах, как в багетах,
А жало пчел — острее бритв.

И август бликов не считал,
Пригоршней — празднично и щедро
На белый дом, и в парка недра,
И по амвону рассыпал.

И в изобильи, наугад,
В подол ссыпали, не жалея,
И солнце вызывало, грея, —
Под кожей скрытый аромат.

Дышал прохладным глянцем лоск
Антоновки и боровинки,
И наливных желтел в корзинке
Сортов отборный нежный воск.

Скрипел задумчиво обоз.
Был рани воздух свежий, пряный.
И каждый чувствовал: я званый! —
И праздник Спаса в сердце нес.

* *
*

Любовь! ты творчества жесточе.
Войдешь: душевных оболочек
Едва почтив борьбой отпор,
Займешь сердечный кругозор.
Займешь, и вытеснишь живое —
С людьми, и с миром связь. Святое,
Отца и мать, и Божий страх.
И бережно хранимый прах
Благоговейно погребенных
Воспоминаний. Беззаконный,
Безбожный заведешь режим:
Жить только ею, только им.
Пронзая зоркостью ведета,
На всё вокруг наложишь вето
Грозней насыщенных грозой
Свинцовых туч в июльский зной.

ПОЭЗИИ

Ни дневнику, с его законностью,
Ни людям, стянутым заботами:
Тебе — созвучью многозвонности,
Твоими — из дому — воротами,

Тобою в забытье ведомыми
(Сознание — угроза ясности).
Вперед — где цель? назад — бездомная.
— В твой Иордан — из рабства страстности.

ЛЮБЯЩИМ

Язык к сухому липнет нёбу.
Пуста, пуста дорога вечера.
Дано любовью звать зазнобу
Души и сердца искалеченных.

Не тщись шаги дочесть до ночи!
О счете маятник заботится:
Колдует время, и морочит:
Один вперед, а два — воротится

И пригвоздит к минуте (жди же!)
Обманом веры соблазнительной,
И ты забудешь мудрость книжек,
Урок благой — путеводителей.

О страждущие! Вы — в пустыне.
О раненые! Не докличетесь!
О любящие! Все — остынет:
Вы — дня негаснущего притчей здесь.

ДАЧНЫЙ ПОЕЗД

Лосиноостровское. Рано. Пионы.
Роса. Ожидание. Дачный — битком.
Надеждой чугунные пахнут вагоны,
Но солнце к скамье повернулось лицом
И уж нестерпимы: пенсне правоведа,
И ржавый и жалобный визг буферов,
Жара, и качанье, и повесть «Танкреда»,
И — с дачей обросших сосною прудов —
Побед комариных ночное наследье.
И вот ненавидишь всей подлостью зуда
Себя, и урок музыкальный — Ганона,
И с городом встречу (он в талью — обедом).
Но свежие, в буден квадрат этот нудный,
Шлет июнь дуновенья, колосья, перроны.

НОВОЛУНИЕ

Профиль месяца надрезал
Небо лункой золотой,
Канители геодезий
Улыбаясь чистотой.

Выше ночь. И брошкой тучи
Рог в себя воткнув — бегут.
Все светлей, рыхлей и круче,
И улыбку берегут.

Тает в теплой простокваше
Полоненный небосвод.
Перламутровой гуашью
Лучезарный серп плывет.

* * *

Лилово-синий сумрак —
С наклеенными елями.
Поит жасмин бесшумно
Свет из окошка челяди.

Он снизу освещает,
Как рампа выступающих.
И тень стакана с чаем
На мураве и камешках.

Заигрывает с улиц
Струя ночная с зеленью.
Кусты, в свету сутулясь,
В ответ: к тебе не велено!

То услыхав, жасмина
Прохладный цвет — в волнении:
Ослушаюсь! и ринусь —
Наперекор велению!

За каменной оградой
Семейная нескладица.
В свету — как на параде —
Ночная жизнь не ладится.

Но за жасмина волей
Победа в споре лиственном,
И он — путем окольным —
Из теми запах выпростал

И пролил за ограду
На улицу бессонную,
— А бледный луч Плеяды
Задул огни кухонные.

ОТРЫВОК

. . . Был май. На серый тротуар,
Отяжелевши, запах капал.
Мальчишка, щурясь, ветки цапал
И продавать нес на бульвар.

И волей пьяная сирень
Улыбкой теплоту дарила.
Весна по-своему кроила
Не уступавший ночи день.

И вечер забывал уйти.
Но под прикрытием сирени
Всё становились откровенней,
Всё разговорчивей шаги.

Топтали ночь. Подняться ей
Мешал союз любви с сиренью.
В лиловых звездочках томленье
Таилось запаха слышней . . .

**
*

Прошла гроза. Но клочья плача
Висят над темною землей,
И упивается калачик
Облизываемой слезой.
Мне наслаждением — что легкий,
Без вóлока моих грустей, —
Вздохнувший мир меня отвергнул,
Что мокрый царствует репей.

* *
*

Лупины тянутся —
Берез стать выше!
Плющ — словно странница —
Ползет под крышу.

И розы чахлые —
А пахнут льстивее
Таких, что ахнешь,
Взглянув на дивные.

Так — садик скромный,
Краса деревенская,
А дышет томный —
Судьбой — вселенского.

ПОД БУКОМ

Шелка́, шелка́! такие — и такие.
Закрыв глаза я слушаю ваш шум.
Вы разбираете мелодии морские,
— И сердцу благодарен ум.

Простерт под вами — вами луг поимый,
Метет по нем как веник ровный шум.
В нем ропщет клевер, ветром уносимый,
— И сердцу благодарен ум.

За ним лопочет все богатство июня,
Весь — сенокосу сговоренный — шум.
В деревьях ветер замечтал о дюне,
— И сердцу благодарен ум.

ПЛЯЖ

Деревья лестницей нисходят к морю.
Кустарником — последняя ступень.
А ниже — вереска сухие переборы.
А ниже и траве спускаться лень.

И только теплый как ладонь ребенка
Песок ласкает голую ступню.
Игрушки ветра в нем: следы, рубцы, воронки,
А море — сон, и снится синий дню.

**
*

. . . Светает. Тяжелеют капли.
Роса готовит зеркала.
В уюте гнезд проснулись цапли.
Цветы круглы как купола.

И удивительно, что: видно.
Друг друга ветки узнают.
Заросший ряской, миловидный
Спросонья вздрагивает пруд.

Все приготовилось, и дышет
На розовеющий восток.
Полей проворней юркой, мыши
Куда-то скрылся ветерок.

Откинув покрывало пашен,
Дрожащий бледно-красный круг
Всплывет. От клевера до башен
Все заучаствует вокруг . . .

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
42	4-я сверху	русалочный	русалочий
48	4-я сверху	Баюкают	Баюкает
71	5-я снизу	отборный	отборных